

Готов изложить обстоятельство дела, тем более что без них картина происшедших в Москве беспорядков могла бы показаться Вам неполной.

- Продолжайте!

- Речь идет о событиях следующего дня, то есть о 28 мая, за день до ввода войск в Москву.

- Да, я понял.

- Как я Вам только что докладывал, около часу ночи на 28-го мая мною было сделано распоряжение об отправке 63 разбойников, задержанных по приказанию Градоначальника во дворе фабрики Винтер, в Рогожский Полицейский дом. Обычно там задержанные в районе Замоскворечья не содержатся. Мы провели по улицам означенных лиц настолько скрытно, что рабочие и другие обыватели Замоскворечья целый день 28 мая не знали, куда помещены арестованные люди. Сделав упомянутое распоряжение, я поехал к Градоначальнику с докладом. Вернулся же я в свою квартиру около 3 часов ночи. По телефону я передал приказание о том, чтобы с 6 часов утра все свободные городские и околоточные надзиратели находились при управлениях участков и чтобы проживающие на фабриках и заводах лица с немецкими фамилиями были предупреждены об опасности, которая может им грозить. В 6 часов утра я проверил по телефону, исполнено ли мое приказание, и сделал распоряжение об отправке в назначенные места конных нарядов. Интересуют ли Вас, Ваше Величество, сии подробности?

- Продолжайте, Николай Антонович!

Джунковский одобрилительно закачал головой, показывая Миткевичу-Жолтку, что именно на подробное повествование Царь и рассчитывает. Император считал для себя необходимым вникать в детали, разумно считая, что в них-то и таится дьявол". Джунковский же был заинтересован в скорейшем завершении прокурорской и сенатской проверок деятельности московской полиции. Сновавшие по коридорам здания московского Градоначальника подлые людшки из прокуратуры изрядно ему надоели, да и сам Миткевич-Жолток вызывал в нем искреннюю и уже ничем не скрываемую симпатию. Жандарм понимал, что во всей Российской Империи есть только один человек, во власти которого - остановить возможное судебное преследование московских полицейских чинов, сделавших, по сути, всё от них возможное для усмирения взбунтовавшейся московской черни. Этим человеком был сидящий по его левую руку Царь Николай, и Джунковский желал, чтобы докладчик произвел на него серьезное и приятное впечатление. Джунковский болел за Миткевича-Жолтка всей душой и даже не замечал, как его волнение и подергивание себя за ус всё более становилось заметным Государю. Впрочем, Царь не хотел сбивать рапорт полицмейстера и сосредоточил всё свое внимание на излагаемых им и до сих пор не известных Ему фактах.

- Около 7 часов утра мне было доложено, что рабочие фабрики Товарищества Рябовской мануфактуры, в числе около 600 человек, вышли с фабрики с Вашим портретом и с национальными флагами. Было также передано, что с пением гимна и молитвы они направились к фабрике Даниловской мануфактуры, и что, не приступивши к работам, рабо-

чие этой фабрики ищут немцев.

- Лучше бы они их на фронте искали!

- Так точно! ...Вызвав к Серпуховской заставе 20 конных городских от 3-го отделения, я поехал туда с Приставом Диевским и встретил у заставы многочисленную толпу. Она вела 10 человек немцев-эльзасцев. Опасаясь, что, пока эльзасцев доведут до управления участка, они будут избиты до смерти, я объявил, что арестую их тотчас же и с конвоем отправлю в Пересыльную Тюрьму. Эльзасцы были переданы полиции. Исключительно для их собственной безопасности, действительно, они были отправлены в означенную тюрьму, причем в заранее приготовленной арестантской карете. Дав необходимые указания исполнявшему обязанности Пристава, я поехал на Электрическую станцию Общества 1886 года. Оттуда были получены известия тревожного характера. Я приказал 20 конным городским переехать от Серпуховской заставы на эту станцию. Дорогою, сворачивая с Кузнецкой улицы на Пятницкую, я увидел толпу у ворот Пятницкого полицейского дома и, остановившись, пошел к ней. Как оказалось впоследствии, толпа эта до моего приезда была встречена Приставом Подполковником Танасюком. Ему-то она и предъявила требование об освобождении арестованных накануне 63 рабочих. Пристав объяснял, что освобождение этих арестованных зависит от недавно назначенного на Москву Вашим Высочайшим указом Князя Юсупова и судебных властей, а не от полиции. Мне показалось, что толпа начала сдаваться на убождение Пристава, так как голова ее стала выходить на Пятницкую улицу. Как раз в этот момент к Пятницкому полицейскому дому подъехал и я. Но тут от Серпуховских ворот по Пятницкой улице пошла новая толпа, еще более многочисленная, чем первая. Теперь уже ими ко мне были предъявлены требования освободить задержанных накануне 63 человека или сказать, где они находятся. Я увещевал толпу не производить насилия, что мне и удалось отчасти, так как бывшие впереди начали продвигаться к Климентовскому переулку. Однако значительное число людей рассыпалось по двору и продолжало требовать освобождения арестованных. Некоторые из них кричали, чтобы выдали им немцев-шпионов. Я вошел в управление участка и приказал вызвать по телефону конный наряд от Серпуховской заставы.

- Где в то время находился генерал Адрианов?

- Градоначальник как раз прибыл на место и потрепал меня и Пристава к себе. Мы вышли на улицу, на угол Климентовского переулка, и стояли возле Градоначальника, пока он убеждал толпу, что своею властью он не может освободить арестованных, а это зависит от Главной начальствующего и Прокурора Московского Окружного Суда. Могу подтвердить, что бывшие на улице поверили Александру Александровичу и двинулись к Чугунному мосту. Генерал Адрианов сразу же уехал. Но бывшие во дворе не слышали его убеждений и продолжали наседать на Помощника Пристава Барабаша. Они угрожали ему произвести разгром арестантского корпуса. Некоторые из толпы влезали на

крышу этого корпуса, стараясь проникнуть на чердак. Я увидел это, когда проводил Градоначальника и с Приставом Подполковником Танасюком и Коллежским Советником Диевским вошел во двор Пятницкого полицейского дома.

К этому времени туда успела ввалиться еще одна толпа. Впереди нее женщина несла банку с заспиртованным недоноском и кричала: "вот как немцы избивают детей".

- Боже, Спаси!

- Пристав Подполковник Танасюк стал разяснять толпе, что заспиртованный недоносек есть препарат для научной цели. Я же с Приставом Диевским пробился к арестантскому корпусу. В это время выделенные толпою человек 20-30 проверяли арестованных. Сюда же через 2-3 минуты пришел Пристав Танасюк, с которым мы убедили проверявших выйти во двор, что они и исполнили. Именно тогда нами был обнаружен побег 6 лиц, содержащихся в полицейском доме. Воспользовавшись суматохою, они скрылись. Эти лица либо ожидали отправления в Сыскную полицию, либо отбывали арест за торговлю вином. Толпа, убедившись, что ни арестованных рабочих, ни немцев в Пятницком полицейском доме нет, стала раскочиваться. Когда прибыл конный наряд, во дворе оставались незначительные кучки людей.

- Так что же все-таки там произошло, и как могло подобное случиться, генерал?

- Как я выяснил впоследствии, допуск депутации от толпы к арестантским камерам произошел при следующих обстоятельствах. Помощник Пристава Барабаш был окружен плотным кольцом озлобленных людей. Долгое время он пытался убедить их уйти со двора, и только видя, что арестантскому корпусу угрожает опасность и слыша крики: "Генерал приказал открыть камеры", он, не имея возможности проверить основательность этих криков, предложил дежурному помощнику смотрителя идти к камерам и взять с собою ключи.

- Ловко они это с ним проделали!

- Камеры были открыты. При этом Помощник Пристава Барабаш был оттиснут к пожарным сараям. Толпа намеревалась их ломать, заподозрив, что арестованные накануне рабочие спрятаны там.

- Что это были за люди? Эти... которым удалось бежать? Политические?

- Четверо сидели за незаконную торговлю вином на улице, один - злостный мелкий должник-пьяница, и шестой - крестьянин, затеявший в кабаке ссору.

- Гм. Мне доложили, что побег был осуществлен группой революционно настроенных людей, можно сказать, зачинщиков погромов.

- Никак нет. Это были люди, задержанные еще за пару дней до беспорядков и по тем основаниям, что я только что Вам доложил. Люди социальных низов, допустившие незначительные правонарушения. Так вот. Я не отдавал распоряжения допустить депутацию от толпы проверять этих арестованных и не знал о прогулке по улице, пока не пробился к арестантскому корпусу. Почему из толпы кричали, что "Генерал разрешил произвести проверку" и кого подразумевали под словом "Генерал", меня не знаю. Если бы я и Пристав Подполковник Танасюк успели бы подойти к арестантскому корпусу ранее, то не допустили бы толпу в камеры. Побега 6

арестованных тогда бы не было. Но мы сочли своею обязанностью не оставлять Градоначальника одного среди ожесточенной массы людей, ввиду опасности насильственных действий против него. Они могли последовать от окрика какого-нибудь хулигана, как это было накануне в отношении Пристава Подполковника Экллона, о чем я уже Вам, Государь, докладывал.

- Бог с ними. Какие конкретные указания поступали Вам от Адрианова?

- Согласно приказанию Градоначальника, 28 мая главное внимание полиции 4-го отделения было обращено на охрану Электрической станции и Марфо-Мариинской обители на Большой Ордынке, где в то время находилась Великая княгиня Елисавета Феодоровна.

- Несчастливая Княгиня так натерпелась!

- Государь, Елисавета Феодоровна ни на минуту не теряла присутствие духа. Я несколько раз справлялся о ней, пару раз лично посетил обитель. Она мужественная женщина. На этой последней улице я находился с 3 часов дня и отлучался лишь к Якиманскому полицейскому дому, когда туда приходила большая толпа. В прочие же места я не выезжал, ограничиваясь распоряжениями по телефону, ввиду имевшихся сведений о намерении рабочих произвести погром на Большой Ордынке. Сведения эти были верные, так как означенное намерение пытались осуществить одна за другою целых 3 толпы не только на 28, а 29 мая утром, когда они были рассеяны нарядом полиции под моим руководством.

Ко всему изложенному мной, Государь, необходимо добавить, что я не держал с утра наряда полиции во дворе Пятницкого и Якиманского полицейских домов, так как наряд этот мог быть взят только из Рогожских участков. Но их нельзя было ослаблять вследствие нахождения в Рогожском полицейском доме 63 задержанных накануне во дворе фабрики Винтер. Да я и не ожидал ожесточенного нападения ни на Пятницкий, ни на Якиманский полицейские дома, в которых не содержалось ни рабочих, ни немцев, а ожидал, что толпа явится требовать освобождения арестованных в Рогожский полицейский дом. Относительно его охраны мною и были приняты соответствующие меры. Правда, в Пятницком полицейском доме 28 мая было свободных 10 служителей, но они, как и все вообще служители полицейских домов в Москве, будучи людьми малорослыми, малосильными, не могли противостоять тысячной толпе. Вызванный же мною конный наряд хотя и шел на рысьях от Серпуховской заставы, но прибыть своевременно не мог.

Положительные результаты деятельности моей и чинов полиции были следующие. 28 мая мы спасли от избиения толпою 24 человека. Кроме сего, нами были предотвращены погромы и пожары во многих местах. Мы также выполнили две важнейшие и лежавшие на нас задачи, а именно: Электрическая станция Общества 1886 года была охранена от разгрома, а Марфо-Мариинская обитель находилась в безопасности от бесчинствовавших толп. Что было сделано полицией 4-го отделения накануне 27 мая и на другой день 29 мая, я Вам, Государь, уже подробно изложил.

- Ваш подробный рассказ, генерал, лишь только укрепил меня во мнении, что всё

сие движение толп было хорошо продумано и организовано. Как следует из рапорта, рабочие некоторых мануфактур проявляли необходимое терпение, чтобы дождаться своих товарищей с соседних фабрик, и уж потом выступать единой массой. Сие есть знак тревожный, господа.

Император повернулся к Жандарму.

- Генерал Джунковский, Вам я поручил провести должное расследование обстоятельств погромов, направленных против подданных германского и эльзасского происхождения. Хочу знать Ваше мнение о действиях генерала Миткевича-Жолтка по наведению порядка в центре города. Вы сейчас слышали то же, что и я, но в отличие от нас могли подробно заслушать и изучить позицию стороны обвинения. Так каково Ваше мнение?

- Ваше Императорское Величество! Считаю действия Полицеймейстера 4-го отделения города Москвы вполне соответствующими сложившейся обстановке. Полиция действовала в отсутствие приказа по применению силы, без поддержки казачьих частей, которым было запрещено вмешиваться. Сия вина целиком лежит на Градоначальнике Генерал-майоре Адрианове. Прошу Вашего согласия на отстранение Генерала Адрианова от должности. Также позвольте мне высказать свою уверенность в необходимости провести дополнительное расследование обстоятельств бесчинств и поджогов с целью выяснения личности зачинщиков беспорядков. Что же касается присутствующего здесь Генерал-майора Миткевича-Жолтка, то ходатайствую, Государь, о его поощрении. Ваша милость в отношении Николая Антоновича вызовет поддержку среди полицейских чинов Москвы, ибо никто не сомневается в личной храбрости и умелом руководстве им московской полиции в столь опасной и неблагодарной обстановке.

- Идет война, Владимир Федорович, и я не думаю, что в результате майского разгрома нашей древней столицы мы можем гордиться о чем-либо геройстве. Однако в одном, пожалуй, Вы правы. Вы, генерал-майор Миткевич-Жолток, действовали в чрезвычайно сложных обстоятельствах, противостоя многолюдной толпе. Я благодарю Вас за всё, что Вам удалось сделать. Однако я принял решение о смене всего руководства московской полиции, а с ним и Градоначальника. Градоначальствующему Генерал-губернатору Князю Феликсу Феликсовичу Юсупову мною поручено представить на сей счет свои предложения. Вы же, Николай Антонович, без промедления отправляйтесь на фронт. Обстановка там тревожная. Ваш опыт работы в полиции и военной прокуратуре придется там как нигде кстати. Вы возглавите один из Головных эвакуационных пунктов Западного фронта. Наведите там порядок в кратчайшие сроки. Прощайте же, господа!

Император встал и слегка поклонился своим гостям, давая понять, что разговор окончен.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ

В эту зиму в Москве выпало снега так много, что его огромные и сверкающие на солнце сугробы громоздились в Сокольническом парке на каждом углу. Эти белоснежные цитадели были столь велики, что полностью закрывали во-

дителям боковой обзор. На каждом повороте приходилось не только притормаживать, но и полностью останавливать тяжелую машину. Надо сказать, что делала она это неохотно, ворча своей ABSкой всякий раз, как только я покусался на ее степенное, ровное и полное уважением к себе движение. Так, короткими переездами-перебежками мы, наконец, добрались до ворот госпиталя и остановились напротив его проходной.

- Не надо пропуска! Проходите так. Мы Вас знаем, - дюжий охранник, показавшийся в коридоре проходной, нажал на какую-то кнопку, и крутящаяся калитка поддалась моему давлению и со скрипом провернула.

- А Вы к кому? Вам пропуск нужен, - послышалось за моей спиной. Калитка вздрогнула и застыла, удерживаемая невидимым механизмом. Охранник вновь высунулся из своей коморки, откуда доносились звук телевизора и пряный запах колбасы.

- Это мой сын. Он со мной, - я показал Алексею, чтобы он не задерживался и следовал за мной. Охранник мигнул обоими глазами в знак согласия, калитка заскрипела, пропуская Алексея к внутренней двери проходной. Потеряв к нам интерес, голова охранника привычно крутанулась на 180 градусов в сторону очередного посетителя и занялась его расспросом.

По скрипучему снегу, опасаясь затаившегося под ним льда, мы короткими шажками проскользили по внутреннему двору и в компании клубов ледяного воздуха вошли в просторный мраморный вестибюль госпиталя. В полупустой гардеробной о чем-то ворковали две пожилые женщины, где-то под боком у них играла музыка из старого советского ретранслятора. Мимо со швабрами и ведрами с водой прошли два тощих солдата-санитара. Они не без интереса взглянули на наши продуктовые пакеты с рекламой известной торговой марки. "В 18 лет всем парням всё время есть хочется", - подумал я и вспомнил, как мы на военных сборах под матрацами сушили хлеб и потом после отбоя всей палаткой хрустели безвкусными сухарями, мечтая о доме, мамке и кастрюле с борщом.

Миновав три ступеньки, мы вошли в лифтовой холл и вызвали одну из кабинок.

- Ты внизу никогда не раздевался? - сын стянул с себя куртку и стал разматывать шарф.

- А зачем, когда можно всё в палате на окне оставить? Слушай, мы сейчас с дедом поздороваемся, и ты с ним останься, пока я схожу к врачам на консилиум. Главврач меня к 11 ждет.

- Хорошо, пока почаёвничая с ним.

Я осторожно открыл дверь в палату и громко спросил:

- Можно?

- А! Тома, сынуля приехал! Да не один, а с Лёшенькой! - отец, став совсем больным, перешел в общении с родными на уменьшительно-ласкательные суффиксы.

- Проходите, что там застыли?

- А мама где?

- В столовой. За хлебом пошла. А обеды нам Танечка, сестра убого привозит. Так что мы в ажуре!

- Так если мать в столовой, что ты ее кличешь?